

Артем ЕРМАКОВ.

Ножницы небытия.

Сергей Борисович ИНГУЛОВ (1893-1938)

Имя героя этого очерка мало кому известно. Неизвестно даже, можно ли считать его героем. Однако в чем бы мы ни винили этого человека, мы не вправе забыть время, в котором он жил. Время великих и страшных иллюзий, в котором судьбы нашей газеты и нашего героя настолько прочно сплелись, что их уже никак не разделишь.

Судите по делам!

Кто был первым редактором «Учительской газеты»?

Этот законный вопрос пришел мне в голову, когда я в течение недели листал ее чудом уцелевшие подшивки 1920-1930-х годов. Знакомые по университетскому курсу истории педагогики фамилии попадались редко. Фамилий вообще было негусто. Особенно в 20-х. Половина подписей под статьями того времени звучит как «Б.», «Эм-Эль.» или «Ю.Пр-п». Попробуй-ка догадайся. Правда, фамилии Позин, Ахов или Аплетин сегодня скажут немногим больше.

Зацепка все-таки есть. Достаточно посмотреть, кто из членов редколлегии (кроме Крупской и Луначарского, явно занимающих более высокие посты) публикуется на страницах газеты достаточно регулярно, чьи статьи определяют лицо газеты. Вот здесь-то и всплыла впервые мало что говорящая, но довольно часто мелькающая подпись: «С. Ингулов».

Подпись эта встречается уже в первых номерах 1924 года. Например, в 6-м: «Лес рубят – щепки летят. Когда идет стройка, неизбежны некоторые просчеты, возможны даже и обвалы. Мы строим новое здание советской школы. Этот новый дом требует хороших мастеров и подмастерьев. Сама учительская работа способствует проверке, подбору и отбору этих мастеров-учителей».

Смешно? Поверхностно? Бессмысленно? Но ведь надо уметь читать и между строк. И сквозь призму не чуждой революционерам масонской символики. И сквозь время, в котором «Учительская газета» создается не просто «для учительства», а для «обращения» этого самого учительства к делу строительства «новой советской школы», к делу воспитания «нового человека». Но и школа, и воспитание в двадцатых – задачи второстепенные. «Сотни тысяч учителей – есть прежде всего аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые до сих пор существуют в массах. Надо брать их в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели!» – требовал Ленин на совещании политпросветов еще в 1920-м.

Стало быть, главная цель «Учительской газеты» не просветительская, а политическая. Вернее, политпросветительская. Сегодня этим можно возмущаться. Но в то же время становится ясным, почему, например, в газете на протяжении всех 20-х годов почти не упоминаются выдающийся педолог Блонский или педагог Шацкий. Оба были убежденными коммунистами, но занимались они все-таки просвещением детей. Но ведь «советский учитель» – не тот, кто помогает окрепнуть душе ребенка (душа – буржуазный предрассудок), не тот, кто раскрывает перед ним пути к познанию мира (наука, не служащая

к преобразованию жизни, — идеалистическая наука), а тот, кто помогает «мастерить» новую душу, новое пролетарское сознание. И вот здесь слова С. Ингулова более чем к месту.

Перед нами 13-й номер «УГ» от 19 декабря 1925 года, посвященный V съезду работников просвещения СССР. На первой полосе список членов президиума ЦК Союза – Цекпроса. «Тов. Ингулов» идет восьмым. Ответственный секретарь Центрального бюро секции работников печати. Ответственный редактор «УГ». В газете еще очень мало фотографий, их заменяют карандашные портреты. На нас глядит довольно простое, мало чем запоминающееся округлое лицо в пенсне.

А вот и 10-й номер «УГ» за тот же год с отчетом о проведенном 18 января Совещании учителей-корреспондентов. Ингулову удалось за 3 месяца существования газеты найти 300 собкоров. Интересно, что в бесконечных газетных перепечатках стенограмм съездов и совещаний Цекпроса выступлений Ингулова, как члена ЦК, почти нет. Он весь в газетных статьях. «Что такое руководство партии?», «Партия без Ленина», «Судите по делам!», «Кому и зачем нужна дискуссия?» Стоит обратить внимание и на безымянные передовицы, написанные тем же «фирменным» стилем.

Сомнений не остается, перед нами истинный хозяин газеты. Но кто же он? Почему его фамилии нет не только в кондовых советских учебниках, но и в историко-педагогической литературе последних десятилетий? Да и не только в педагогической. Его имя как будто аккуратно выстригли из истории ножницами. За что? Фальшивые имена Вы когда-нибудь пробовали подробно покопаться в своей родословной? Хочу сразу предупредить вас – это небезопасно. Помимо прочего, стоит запастись терпением и ... снисходительностью. Вы ведь можете нечаянно наткнуться на таких людей и такие страницы их жизни, которые в корне перевернут ваши представления о прошлом. Да и не только о прошлом. Помните нашумевший лет 15 назад грузинский фильм «Покаяние»? Молодой человек не смог жить, когда узнал некоторые детали биографии своего дедушки. Поэтому я очень стараюсь (и читателей прошу постараться) не ужасаться.

Первый редактор «Учительской газеты» Сергей Ингулов был штатным литературным палачом. Может быть, ему и не приходилось убивать людей лично. 28-й том первого довоенного издания Большой Советской Энциклопедии лишь сообщает, что наш герой родился в 1893 году на Украине, в городе Николаеве, работал сначала наборщиком, а потом журналистом (если учесть анкетную важность рабоче-крестьянского происхождения, то, может, все было и наоборот) и вступил в ВКП(б) в 1918-м. Мы вряд ли узнаем даже его настоящую фамилию. Ведь Ингул – это крупный приток Днепра. Перед нами скорее всего приросшая намертво к человеку партийная кличка одного из руководителей большевистского подполья в Николаеве, а потом и в белой Одессе.

Счастливо миновав белогвардейский застенок, Ингулов выжил, вошел в коллегии местной ЧК и возглавил Одесский губком. Уже тогда он был равнодушен к литературе. Его фамилия пару раз мелькает в воспоминаниях об Ильфе и Багрицком. Валентину Катаеву он дарит сюжет в воспевающей работу чекистов повести «Трава забвения». Исааку Бабелю Ингулов выправляет документы для поступления в Конную армию (документы, между прочим, фальшивые, на имя Кирилла Лютова, когда буденновцы поняли, что «Лютов» – еврей, его едва не убили).

Друг Мандельштама Владимир Нарбут посвящает Ингулову цикл стихов «Плоть». Но краткое время, когда чекист мог советоваться с писателем, а писатель – отовариваться в закрытом чекистском распределителе, быстро кончилось.

В 1921-м Ингулов ушел на повышение заведующим Агитпропом в тогдашнюю столицу Украины Харьков, а потом и в Москву. На страже слова С 1922 по 1930 год Ингулов работает на разных должностях в Агитпропе ЦК ВКП(б). Входит в редакции ведущих литературных журналов «Красная новь» и «На посту» и в коллегии издательства «Работник просвещения». Курирует профессиональный орган «Журналист» и соблазняет обновленческим расколом православную церковь. Его печатают и «Правда», и «Новый мир».

Что же привело его в Цекпрос, а потом и в «Учительскую газету»? Можно рассматривать это как партийное поручение. Буквально накануне создания «УГ» Ингулов пишет статью «Партии отдайся весь!»: «Партия не знает чистой или черной работы, изгоняет всякие элементы честолубия в партийной среде, любая работа – наркома ли, красноармейца ли, фабзавкомщика ли, агента ли ГПУ – одинаково почетна и необходима для партии». Учитывая старые связи Ингулова с ЧК-ГПУ, «органы» вполне могли направить его неофициальным куратором не вполне политически надежного профсоюза литераторов и журналистов, вскоре насильно подчиненного Цекпросу.

Дело, видимо, и в том, что Ингулов начал заниматься партийным контролем народного просвещения еще до «УГ». В 1923 году его книга «В чем выход? (О сельском клубе, читальне, школе и библиотеке)» издается 75-тысячным тиражом. (Тираж брошюры Крупской «Организация самообразования» в том же году был в 7,5 раза меньше!) «Советская власть заинтересована в том, чтобы не было ни одного неграмотного в нашей стране. Она вышла из гущи рабочих и крестьян и сильна только поддержкой и доверием этих масс. Необходимо, чтобы массы были сознательны и могли понимать и осуществлять свои классовые задачи. Но сознательность дается не только через доклады и речи на митингах, а главным образом – через книжку, через брошюру, через газету», – пишет автор. Его не в шутку волнует, что в связи с разрухой «деревня осталась без слова правды о событиях в России и во всем мире, без книжки, без доклада». Волнение более чем обоснованное. Ведь если старому царскому правительству, по утверждению автора, выгодно было управлять безграмотными массами, то новый режим уже успел оценить всю прелесть пропагандистской манипуляции сознанием масс под видом просвещения. Но кому-то же нужно оплачивать эту манипуляцию.

По мнению Ингулова, это должны делать сами крестьяне. «Вносите налоги Советскому государству! Стройте лучшую жизнь!» – пишет он. Стоит, правда, отметить, что государство, в свою очередь, старается не скупиться: «Почти половина сумм, поступающих от местных налогов, дается на школу и на политическое просвещение народных масс». На следующий год Ингулову уже доверяют разъяснить учителям позицию руководства очередного XIII съезда в брошюре «РКП и учительство». И он добросовестно запугивает сельских учителей, обвиняя их в «эсеровском романтизме» и записывая в «идеологи кулацких восстаний». Но коммунисты «не помнят зла», «партия протянула руку» учителю, он должен оправдать оказанное ему высокое доверие. На таком фоне работа Ингулова в «Учительской газете» уже не выглядит случайной.

«Отдавшись партии», он успешно продолжает и свою агитпроповскую карьеру. Запрещает юмористический журнал своего одесского друга Катаева, громит «правый уклон» романов Ильфа и Петрова. Ингуловская статья «Бобчинский на Парнасе» ставит крест на работе

замечательного русского юмориста Пантелеймона Романова (после нее писатель тяжело заболел и умер). 1929-й – последний год пребывания Ингулова в составе редколлегии УГ.

В конце весны исчезают с первых полос и другие члены первого Цекпроса во главе с Александром Коростелевым. В Наркомпросе начинается масштабная чистка, итогом которой станет замена старого революционера Луначарского молодым аппаратчиком Бубновым и переименование «Учительской газеты» в «За коммунистическое просвещение». На языке кнута Но Ингулов не просто пережил чистку. Она стала трамплином для его нового взлета. После УГ он несколько месяцев возглавляет редакцию «Нового мира», выпускает четыре издания программной книги «Партия и печать» и становится вторым человеком в Агитпропе.

В 1931 году мы неожиданно встречаем его в Лондоне (вероятно, это первый сотрудник «УГ», писавший официальные репортажи из-за Ла-Манша). А в 1932-м выходит первый стотысячный тираж его учебника «Политбеседы». Сегодня немногие сохранившиеся экземпляры этого учебного пособия считаются библиографической редкостью, таким «тоталитарным раритетом». Его нынешние читатели совершенно не в состоянии понять сакрального значения довольно-таки заурядной книги о большевиках и большевизме. Но в 30-е годы «не сдать Ингулова» – значило не закончить школу, не поступить в вуз, не выдержать кадровой проверки на службе.

Относительно дешевый учебник невозможно было купить. Только достать. За ним охотились студенты и старшеклассники. Ингуловская книга стала «катехизисом коммунизма», символом гражданской лояльности и политической благонадежности советского человека. В одном только 1935 году вышло 650000 экземпляров на русском языке, 80000 – на украинском, 41000 – на узбекском, 25000 – на грузинском, 9000 – на корейском, 5000 – на татарском и так далее до китайского и наречия бухарских евреев. Общие тиражи «Политбесед» в 1932-1937 годах составили несколько миллионов книг. Прибавим к этому еще миллион «Политграмот» для высшей школы, составленных Ингуловым в соавторстве с начальником Главлита Борисом Волиным, и мы получим воистину безбрежный поток.

Уверенность автора в своем вселенском значении была так велика, что он даже накануне смерти представлялся сокамерникам и следователям, как «автор «Политграмоты». Той самой «вредительской книги», которую в 1938-м уже заменил сталинский «Краткий курс». 1935-1937 годы – звездные часы бывшего редактора УГ. Ингулов сменил своего соавтора Волина на посту начальника Главлита СССР и стал уполномоченным Совнаркома по охране государственных и военных тайн. Ни одна книга, ни одна газета, ни одно заграничное письмо в стране не могли быть пропущены без его дозволения. При нем в практику Главлита вошла рассылка списков книг, подлежащих изъятию и уничтожению. Ингуловские ножницы по разным причинам задевали Серафимовича и Юрия Олешу, Аркадия Гайдара и академика Вернадского.

Потеряв всякую меру, он пытался указывать молотовскому Совнаркому и ежовскому НКВД. «Критика должна иметь последствия! – писал Ингулов еще в 1928-м. – Аресты, судебную расправу, суровые приговоры, физические и моральные расстрелы...» Все это оружие теперь поступило в его распоряжение. Сергей Ингулов был арестован 17 декабря 1937-го. Он ждал приговора Военной коллегии Верховного суда СССР больше 9 месяцев и был расстрелян за «участие в контрреволюционной террористической организации» 3 сентября следующего года.

Несмотря на относительно раннюю реабилитацию в марте 1956-го его имя никогда больше не упоминалось в советской печати. Единственным исключением стал 51-й номер «Учительской газеты» от 27 апреля 1963 года со статьей «Наш первый редактор». Статью иллюстрировал старый карандашный набросок 1925-го. Других фотографий, видимо, тогда не нашли. Их нет и теперь. А может, об Ингулове и впрямь стоит забыть?

Артем ЕРМАКОВ, кандидат исторических наук